

«„Логос“ сшивает несколько совершенно разных эпох, диаметральных по своим устремлениям, надеждам, ожиданиям, стилям»

АЛЕКСЕЙ КОЗЫРЕВ. Кандидат философских наук, специалист по истории философии, заместитель декана философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова по научной работе. Автор нескольких десятков научных работ, в том числе монографии «Соловьев и гностики» (М.: С. А. Савин, 2007). Ведущий программы «Философский клуб» на радио «Русская служба новостей». В 1990-е годы — член редколлегии журнала «Логос».

- *Опишите, пожалуйста, каким было начало 1990-х лично для вас в профессиональном плане, в интеллектуальном? Что собой представляла та питательная среда, к которой принадлежали вы и из которой родился проект «Логоса»?*

Это было замечательное время настоящего интеллектуального подъема, связанного не только со сломом существующих политических режимов, но и с переменой культурных, образовательных, просветительских парадигм. В 1989 году на нашем факультете появилась кафедра истории и теории мировой культуры. Здесь читали лекции Аверинцев, Бибихин, Мелетинский, Гаспаров, Гуревич, Кнабе — да так, что мы буквально ежедневно на них ходили. Иногда возникала дилемма, кого слушать — скажем, Гаспарова или Бибихина, курс по русской поэзии XVIII века или по раннему Хайдеггеру. Причем это совсем не было похоже на неудобоваримые университетские курсы начетников-марксистов. Ничего не имею против марксизма, наоборот, именно сейчас, возможно, его не хватает на философских факультетах, но речь идет о схоластическом, абсолютно полицейском чтении философии.

И вот на кафедре мировой культуры мы столкнулись, во-первых, с тем, что лекции можно читать иначе: увлекательно, интересно, даже имея несовершенную дикцию. Например, Гаспаров очень заикался, из-за чего с ним трудно было вести приватную беседу. На лекциях он преодолевал это волнение и был прекрасным оратором, а затруднение в речи как-то помогало сосредоточиться на том, что он говорил.

Я считаю это время на философском факультете лучшим: мы имели возможность слушать уникальную группу ученых, никогда больше не собиравшихся в одном месте. Со временем кафедра начала рассыпаться, люди стали переходить в РГГУ или уезжать за границу. Это было время надежд и упований, которое я в одном выступлении назвал «временем распечатывания алтарей» — по аналогии с моментом снятия запрета со староверов манифестом 1905 года и открытием заброшенных алтарей на Рогожском кладбище. В начале 1990-х московским улицам стали возвращать исторические названия, в воздухе витала идея восстановления храма Христа Спасителя, Вознесенский писал «Восстановите Сухареву башню».

В интеллектуальном смысле тоже открывались новые перспективы. Мой интерес к русской философии начался с книжки Лосева о Соловьеве, прочитанной на втором курсе. Потом я два года провел в армии, а когда вернулся на философский факультет, то обнаружил, что на кафедре истории русской философии собралась чуть ли не самая многочисленная группа факультета, и надо сказать, одна из самых сильных. Там было 14 человек, среди которых и будущие участники «Логоса» Игорь Чубаров и Олег Никифоров. Валера Анашвили был на другой кафедре, истории зарубежной философии. Но показательно, что все, кто стоял у истоков «Логоса», были историками философии.

Конечно, каждый видел философию по-своему. Анашвили хотел переводить Brentano и перенести на русскую почву феноменологическую традицию. Чубаров занимался расшифровкой рукописи «Самопознания» Бердяева, а потом Шпетом. На почве интереса к Соловьеву в какой-то момент я начал переводить написанную им на французском «Софию», на русском языке прежде не публиковавшуюся. Общим был запрос на возрождение, воссоздание, открытие чего-то недоступного и запретного. Постепенно этот запрос отлился в представление об утраченных традициях. Новые журналы называли не абы как, а апеллируя к существовавшим до революции изданиям.

- *Как бы вы описали место «Логоса» на интеллектуальной карте страны в момент его возникновения?*

Журнал «Логос» был как бы ремейком одноименного международного ежегодника, выходившего в 1910-е годы в России и Германии. То есть ориентиры были вполне определенными. На-

пример, журнал «Начала», который издавали Александр Казарян и Наталья Скоробогатко, возрождал традиции русской религиозной философии. Каждый его номер был тематическим — посвященным Леонтьеву, Розанову, Флоренскому или Лосеву. Именно здесь вышла моя первая публикация «Константин Леонтьев и Владимир Соловьев: диалог в поисках русской звезды». Это был мой доклад на Леонтьевской конференции в Калуге под эгидой — сейчас это может показаться странным — Калужского обкома КПСС. В те парадоксальные времена конференцию, посвященную «мракобесу», контрреволюционеру и православному консерватору, проводил областной партийный комитет и, в частности, организовал выезд участников в Оптину пустынь. Проблематика журнала «Начала» лежала примерно на линии книгоиздательства «Путь».

Иным был вектор развития «Логоса» — более западническим, связанным с наследием дореволюционного «Логоса» Степуна, Яковенко, Гессена. Эти последние молодыми людьми побывали в Германии — Берлине, Гейдельберге, стажировались у неокантианцев и следовали идеалу философии как строгой науки с собственным категориальным языком, методами и подходами. «Логос» начала XX века в известном смысле противостоял книгоиздательству «Путь» и журналу «Вопросы философии и психологии». К слову, последний продолжает свое существование и сегодня — в виде журналов «Вопросы философии» и «Вопросы психологии», таких традиционных, ваковских академических изданий.

Когда возник «Логос», тираж «Вопросов философии» составлял 77 тысяч экземпляров, то есть это был абсолютно хитовый журнал среди не только философов, но и историков, востоковедов — гуманитариев самого широкого спектра. Достичь этого удалось во многом благодаря архивным публикациям статей, даже целых книг, Бердяева, Лосского, вошедших в моду в конце 1980-х. «Логосу» предстояло конкурировать с этим маститым, раскрученным журналом, собравшим светил тогдашней академической философии. Фролов, Степин, Лекторский — авторитетные ученые, занявшие прочные позиции в философии. Естественно, амбициозных молодых людей, заявивших, что будут издавать свой журнал, никто не принял всерьез. Ожидали, что получится в лучшем случае студенческий альманах, один-два номера. Однако «Логос» пережил и второй, и третий номер и в заметно изменившемся виде существует по сей день.

- *Насколько я знаю, вы лично забирали из типографии первый номер «Логоса»?*

Мы с Чубаровым забирали тираж из типографии в Саранске, где в тот момент уже печатался второй номер. Я хорошо запомнил количество пачек с журналами, которые нам предстояло перевезти на своем горбу, — 66 упаковок по 20 экземпляров в каждой. Слава богу, продолжали функционировать какие-то советские логистические механизмы: мы привезли весь тираж в товарное отделение железнодорожной станции в надежде отправить журнал почтовым грузом. На станции назвали какую-то астрономическую цифру, сопоставимую, наверное, с расходами на печать всего тиража. Нам пришлось в голову убедить ответственных лиц, что небольшие пачки журнала никак не тянут на отдельное багажное место. Нам неожиданно пошли навстречу, посчитав все пачки как два (!) багажных места и оценив перевозку в какую-то совершенно смехотворную сумму. До Казанского вокзала тираж добирался примерно неделю.

- *Начиная с какого номера вы стали публиковаться в «Логосе»?*

Публикация «Софии» в моем переводе началась во втором номере, тираж которого мы забирали в том же пыльном Саранске. Сразу после его выхода пошли разные забавные звонки. Кроме философов, с интересом отнесшихся к моей работе, звонили какие-то безумные священники-гностики. Один человек говорил, что его жена принимает откровения от Матери Мира, очень похожие на текст Соловьева, предлагал нам публикацию 300 страниц этих откровений. В «Логос» потянулись какие-то чрезвычайные люди. Некий господин прислал трактат под названием «Каталепсия», сообщив попутно, что живет на Урале и может изготовить любой памятник из мрамора. Это звучало почти как угроза: не напечатаете трактат, получите памятник на кладбище. Наверное, так происходит с любым новым изданием — особого сорта люди находят в нем поле приложения своих экстраординарных метафизических способностей.

- *Куда эти люди приходили? У редакции был адрес?*

Была тесная комнатка, которую нам выделил философский факультет. Крошечное помещение в 5 или 6 квадратных метров на 10-м этаже, где проходил «секретный» лифт — его шахта отнимала часть пространства. Туда мы могли сгрузить часть тиража,

там стоял стол и был даже телефон, по которому можно было позвонить в редакцию. Этот номер мы указали на своих визитных карточках рядом с логотипом «Логоса» — с буквой «Л» в виде не то клоуна, не то ангела.

Иногда, еще студентом, сидел в этой комнате и я. Было очень необычно иметь ключ от собственной секретной комнаты на факультете, куда можно прийти и скрыться, иногда чего-нибудь выпить. Там я готовился к семинарам, отвечал на звонки каких-то людей, интересовавшихся журналом и предлагавших свои статьи к публикации. Впрочем, чаще звонили на домашний телефон, тоже указанный в визитках.

- *Как была организована работа в «Логосе», отбор текстов и т. д.?*

Анашвили всегда был довольно авторитарным человеком и в этом смысле, насколько я знаю, изменился мало. Как главный редактор, он определял редакционную политику. Вначале мы обращались к известным людям, прежде всего работавшим в русле феноменологической традиции. На пятом курсе мы провели подмосковную выездную школу в Пестове, на Можайском море, которую посвятили феноменологии. Фактически это была школа журнала «Логос» за государственный счет — тогда еще сохранялись подобные реликтовые формы финансовой поддержки. Все было организовано чрезвычайно здорово: около 30 человек на пять дней заполняли пансионат, а между местом проведения школы и Москвой каждый день ездил автобус, привозивший докладчиков за 100 км от города читать лекции. Это была не столько конференция, сколько серия мастер-классов именитых столичных лекторов.

Что касается организации работы, то мы в редакции продумывали, приглашать ли в номер кого-то из известных людей, философских «звезд» и «тяжеловесов». Прежде всего мы обратились к феноменологам, например к Виктору Молчанову, жившему тогда в Ростове-на-Дону, а позднее не без нашего содействия перебравшемуся на философский факультет РГГУ. Я помню, как ректор Юрий Афанасьев пригласил нас к себе в кабинет и предложил перейти на работу в РГГУ. Встреча проходила в его маленьком кабинете в Историко-архивном институте на Никольской — комплекса зданий Высшей партшколы на Миуссах у университета еще не было. Член межрегиональной депутатской группы, либерал, один из авторов реформ, одетый в рубашку с короткими рукавами, сказал: «Нам нужно создать феноменологическую лабораторию».

рию». Это было похоже на партийное задание: «Надо провести в жизнь решение июльского пленума ЦК». По каким-то причинам мы не поддались соблазну принять это приглашение, и за создание факультета взялся Владимир Калиниченко, впоследствии тоже у нас публиковавшийся.

Естественно, нашими авторами были далеко не только представители феноменологической тусовки. Скажем, мы приглашали блестящего специалиста по средневековой философии Михаила Гарнцева или Геннадия Майорова со статьей «Роль Софии-Мудрости в истории философии». Чубаров в какой-то момент увлекся Галковским и прожужжал нам уши «Бесконечным тупиком», притязавшим на что-то вроде «Критики чистого разума» — интеллектуальный фундамент современной эпохи, свободной от пут православия. Тот же Чубаров за полтора года до этого был истовым верующим, всех воцерковлял, и вот Галковский со своим *opus magnum* сыграл роль эдакого Канта-искусителя. Так в первом номере появился фрагмент «Бесконечного тупика», посвященный критике Владимира Соловьева. Галковский, которому был ближе Розанов, чем Соловьев, отчаянно клеймил последнее. Именно после «Логоса» все стали печатать Галковского — мы стали едва ли не первым изданием, рискнувшим его опубликовать. Нашему примеру последовали «Новый мир», «Континент», Вадим Кожин внезапно полюбил Галковского, обнаружив у того монархические идеи.

Конечно, окончательное решение принимал Валера. Однажды мы даже придумали завести специального фантомного члена редакции по имени Ефим Крейзер, такого подпоручика Куже, с одобрения которого можно было бы публиковать разные скандальные рецензии, пасквилы, совершать провокации. Не помню, совершил ли он хоть одну. По-моему, его исключили из редакции за бездействие и неучастие в жизни журнала.

- *Как потенциальные авторы реагировали на приглашение? Тот же Молчанов.*

Контактировать с людьми было несложно. Это сейчас они выглядят уставшими, погребенными под ворохом приглашений и обязательств, а тогда сохранялся некий вакуум, многие ждали, когда их позовут, и были готовы печататься бесплатно.

Советская институциональная философия была жестко идеологической, и ротация статей в «Вопросах философии», «Вестнике МГУ» требовала соответствия строгим формальным и нефор-

мальным критериям. Это не значит, что там не могли напечатать какую-то статью по истории философии, но автор должен был быть как минимум доцентом очень солидного вуза. Считалось, что, если печатают, тебе оказывают немислимое благодеяние с почти неизменным блатом. Естественно, в «Логосе», да и не только в нем, у нас как у поколения, почти не знавшего идеологического прессинга, было очень отрицательное отношение ко всему этому. Мы решили, что критерий будет один — внятность и научная состоятельность, какой мы ее тогда видели, соответствие определенным критериям научности.

Я лично никогда глубоко не занимался феноменологией, и феноменологический крен «Логоса» мне не был близок. Я с большой симпатией относился к Молчанову, читал Гуссерля, ориентировался в основных концепциях, но моим полем была русская философия. Возможно, поэтому я и пробыл в редколлегии не очень долго, кажется, во втором, третьем и четвертом номерах. Впоследствии я сотрудничал с журналом в тех или иных формах, переводил, писал рецензии.

Когда мы звонили авторам и предлагали напечататься в новом журнале с собственной философской программой, ориентацией на определенную школу мысли, они откликнулись с готовностью и крайне благожелательно. Я помню только один случай отказа, когда мы пришли к выдающемуся логик Властимиру Александровичу Смирнову, завсектором логики в Институте философии. Он с некоторым недоверием к нам отнесся и сказал: «„Логос“ — это какой-то, знаете, мистический, ненаучный журнал». У него свои были критерии научности, допустим, для онтолога и мистичности для логика. В философии существуют разные парадигмы верификации научного знания, и отвечают им лишь некоторые ее части и разделы.

- *На какого читателя был ориентирован «Логос» в начале 1990-х и менялась ли аудитория журнала?*

У «Логоса» всегда была своя публика. В начале 1990-х была идея адресовать журнал *urbi et orbi*, чтобы все прониклись и поняли, что есть настоящая философия. А «Логос», каким он стал позже и как выглядел в 2000-е годы, его методология и горизонт значительно раздвинулись. Это уже вовсе не чистая феноменология, но социология культуры, философия как форма коммуникации, самые разные аспекты культурных, политических, социальных, даже религиозно-ведческих исследований.

Вместе с тем аудитория, которая мыслит с журналом, по-моему, стала уже — это интеллектуалы юного и среднего возраста, открытые Западу, свободно владеющие языком современной политической, социальной, философской мысли, то есть довольно небольшая прослойка университетских интеллектуалов, своего рода «круг “Логоса”». На каком-то этапе «Логос» стал ваковским, а публикации в нем стали учитывать при защите диссертаций. Насколько я знаю, Анашвили отказался от этого, чтобы не превращать журнал во что-то вроде трибуны, ступеньки социальной лестницы, выйти из-под тени «Вопросов философии» эпохи Митина и Юдина: напечатал статью — держи пряник. Мне это кажется правильным, потому что ваковский журнал — такая братская могила для пестрых, неровных, переменного качества статей, никак друг с другом не связанных. «Логос» пытается сохранять свое лицо. Возможно, иногда он напоминал альманах, то есть собрание неких текстов с двумя-тремя современными российскими работами и несколькими переводами по какой-то проблеме. Таковыми были номера, посвященные футболу или войне в Сербии. Как правило, за каждым из них стоит один человек.

К нынешнему «Логосу» я не имею отношения, но, кажется, принцип комплектования номеров с тех пор мало изменился. От узкой тематики журнал перешел к более широкому спектру проблем, которые рассматриваются под определенным углом зрения и ориентированы на более узкую аудиторию каждая. Такой вектор можно объяснить умножением числа философских и гуманитарных журналов. «НЛО», «Неприкосновенный запас», «Синий диван» — вот лишь несколько креативных авторских проектов, противопоставляющих себя суконному академизму. Но остается и академизм: «Вестник МГУ», «Вопросы философии», такие новые журналы, как «Соловьевские исследования», блюдущие определенные стандарты научной респектабельности.

Поле расширилось, и «Логос» сконцентрировался на поиске своей целевой аудитории, к которой журнал апеллировал. Изменило ситуацию и то, что параллельно с «Логосом» Анашвили возглавил несколько книгоиздательских проектов, формально с журналом не аффилированных, но объединенных фигурой издателя, ассоциируемых с ним.

- *Вы упоминали журналы, прекратившие свое существование после выхода нескольких номеров. Как бы вы объяснили такую мимолетность и в чем, на ваш взгляд, секрет долгожительства «Логоса»?*

Прежде всего, кроме идеи журналу нужен хороший менеджмент и надежный источник средств на издание. Но это половина дела. Вторая половина — это творческая фантазия и способность адаптировать журнал к потребностям читающей публики. Журнал без аудитории может существовать сколь угодно долго, но в истории он не останется. Вероятно, прекращавшие свое существование журналы выдыхались содержательно, то есть исчерпывали поле, из которого пытались пополнять свой ресурс. Так произошло с журналом «Начала». Редакция выпустила несколько номеров по русским философам, но потом изучение наследия этих авторов стало требовать гораздо более профессионального подхода: издания собраний сочинений Флоренского, Розанова — кардинально иного уровня работы. Жить публикацией текстов, вошедших в академические издания, стало невозможно. Сейчас не начало 1990-х, когда публикация «Истоков и смысла русского коммунизма» Бердяева автоматически поднимала тираж любого журнала на несколько порядков.

Деньги — это важно, но это еще не все. Нужен человек, которого в церкви называют ктиторм (тот, кто заботится о материальном благополучии храма: дает деньги или находит). У журнала должен быть свой ктитор, не всегда тот же человек, что и главный редактор, погруженный, скорее, в творческие аспекты, хотя иногда один человек соединяет в себе эти ипостаси. Такой предельно персонализированный проект — довольно распространенная вещь в культуре. Нет ничего плохого и в том, что проекты, издания, театры, университеты возникают, а потом выдыхаются и прекращают свое существование.

«Логос» существует 20 лет. Это уникальный пример долголетия журнала, не представляющего какую-то институцию, скажем Академию наук. Надо сказать, что «Логос» сшивает несколько совершенно разных эпох, диаметральных по своим устремлениям, надеждам, ожиданиям, стилям. В начале 1990-х в моде был хайдеггеровский стиль письма: все начали делить слова, сказать что-то в простоте, без черточек уже нельзя было; все почему-то решили, что русский язык такой же аналитический, как немецкий, и Хайдеггер лишь по недоразумению не писал по-русски. Так же в 40-х годах XIX века думали про Гегеля. Конец нулевых был ознаменован влиянием немецкой социальной философии Хабермаса. На другом полюсе сильным было влияние французского постмодернизма — совершенно иного стиля мысли, вновь не лучшим образом легшего на русский язык. Сложность, игривость, куртуазность, маньеризм французского попытались перенести

на русский язык, писать по-русски так же, как Деррида. «Логос» движется сквозь эти эпохи не по течению, слепо следуя за волной, а, скорее, как серфингист, идет вразрез, поднимаясь там, где необходимо, но не всегда следует модному тренду.

- *Есть ли обратное влияние самого «Логоса» на какие-то тенденции, тренды, в том числе и в философии?*

Я думаю, что влияние есть, хотя наша университетская среда довольно консервативна. И речь не только о Московском университете, который по степени сакрализации иногда сравнивают с церковью, но и о новых структурах. И в Высшей школе экономики, и в РГГУ названия, структура кафедр, принципы организации факультетов немногим отличаются от МГУ. Вероятно, благодаря «Логосу» философское сообщество обогатилось очень интересными людьми, которые продолжают успешно работать и сегодня, в том числе заведовать какими-то структурами. Виталий Куренной руководит отделением культурологии на философском факультете Высшей школы экономики и ищет собственные подходы и новые формы работы со студентами, иные способы проблематизации. Можно назвать нескольких молодых историков философии, работающих по-новому.

Советские историки философии были людьми добросовестными и, как профессионалы, не писали, если не были знакомы с первоисточниками. Сегодня этого недостаточно, необходимо также знать и понимать, что происходит с этой дисциплиной на Западе, следить за современной литературой, устанавливать горизонтальные связи с исследователями своего поколения. Это принципиально другая в смысловом отношении осведомленность, подкрепляемая тем, что люди стали больше ездить, участвовать в совместных проектах с западными университетами. Отсюда рождается иное качество философской работы. И если прямой заслуги «Логоса» в этом нет, то по меньшей мере таков общий вектор, заданный журналом с момента его основания. «Логос» притяжал на создание некоего сетевого надынституционального философского сообщества без оглядки на «хорошую» или «плохую» аффилиацию ученого. «Дух дышит, где хочет» — наука не имеет границ.

«Логос» оказал влияние на формирование новых исследовательских парадигм, которые продолжают развиваться и в новых университетах, таких как Высшая школа экономики или Академия народного хозяйства и госслужбы, и в традиционных структурах, таких как философский факультет МГУ. Несколько лет на-

зад на нашем факультете возник Центр современной философии и социальных наук, который возглавил Анашвили. Мне кажется, центр еще не достиг предела своих возможностей. Пока здесь читают авторские курсы Бикбов, Чубаров, Анашвили, со своими лекциями на факультет приезжают зарубежные партнеры, с которыми сотрудничает «Логос». Это принципиально другая структура, не сводимая к кафедральному принципу организации, нечто вроде научно-образовательного центра, куда студенты могут приходить после основных занятий и слушать факультативы, участвовать в дискуссиях. Тем самым «Логос», несомненно, оживил нашу философскую жизнь.